

УДК Т63.2(2Б)

**КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ
В ТРАКТОВКЕ БЕЛОРУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ XVI–XVII ВВ.****В.Д. МИХАЙЛОВ***(Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск)*

Анализируются идеи социальной справедливости в трактовке белорусских мыслителей, гуманистов и просветителей эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.). Эмпирическим базисом исследования выступили оригинальные тексты Сымона Будного, Франциска Скорины, Андрея Волана, Николая Гусовского, Михалона Литвина, Льва Сапеги, Юзефа Доманевского, Андрея Римши и других белорусских мыслителей. Исследуется сущность таких аспектов социальной справедливости, как свобода, воля, равенство граждан перед законом, общественное согласие, естественное право, законопослушность, справедливый суд, мораль и нравственность. Отражены основные социально-культурные тенденции в развитии общественной мысли ВКЛ эпохи Возрождения, которые выражались в синтезе традиционной христианской трактовки рассматриваемых аспектов социальной справедливости с западноевропейским рациональным мышлением Эпохи Возрождения и Просвещения.

Ключевые слова: *Великое Княжество Литовское, закон, право, свобода, равенство, справедливость, общественное согласие.*

Введение. Период XVI–XVII вв. характеризуется активной публицистической деятельностью белорусских мыслителей, гуманистов, просветителей, деятелей культуры Сымона Будного, Франциска Скорины, Андрея Волана, Николая Гусовского, Михалона Литвина, Льва Сапеги и др. Анализируя христианскую теологию, античные идеи и гуманистическую философию эпохи Возрождения, они акцентировали внимание на социальной справедливости, объективных условиях для равенства, гармонии и общественного согласия. В своих сочинениях белорусские мыслители XVI–XVII вв. осуждали рабство и социальное неравенство, искали причины их появления, доказывали значение и ценность индивидуальной свободы, а также анализировали пути создания справедливого общества.

Основная часть. Лев Сапега учил в своем «обращении ко всем сословиям Великого Княжества Литовского», что «порядочному человеку следует брезговать рабством. Настоящий гражданин должен жертвовать имуществом и даже жизнью, чтобы избавиться от неволи. Именно поэтому пристойные люди не жалеют имущества и даже жизни, чтобы защититься от внешних врагов, не попасть под их жестокое владычество, не потерять своей свободы, не допустить чужого господства над собственной волей и мыслями» [1, с. 216]. Социальная справедливость, по его мнению, возможна лишь при правильном распределении взаимных обязанностей правительства и рядовых граждан.

Лев Сапега предъявлял высокие требования в установлении общественного согласия к судебной системе. Он считал, что судьи обязаны защищать правду, справедливость и закон: «Избранные судьи не должны ради личной выгоды или из-за подношений перекручивать закон. Они не должны наносить вред всему обществу и своим ближним. Судьям следует защищать святую правду и стоять на страже справедливости. Только тогда мы сможем сохранить наши свободы» [1, с. 217].

Но при этом Сапега осознавал относительность равенства и свобод для разных сословий, что нашло отражение в Статуте ВКЛ. Во второй статье третьего раздела, где провозглашались «шляхетские вольности», сказано: «Государь обещает от своего имени и от имени прежних князей, всех феодалов (духовных и светских), всем служащим, шляхте, горожанам и всем людям защищать свободы и вольности христианские, которые они, как люди вольные, свободно выбирали с давних времен и издавна от своих предков себе панов и господ Великих Князей Литовских, жили и служили примером и способом вольных панов христианских, были равны...» [2, с. 111–112].

По утверждению Франциска Скорины, справедливость в обществе может быть достигнута лишь через испытания, скорби и терпение. В предисловии к «Псалтирю» он пишет: «Как золото испытывается огнем, так святость Бога испытывается терпеливостью. Сам Спаситель наш говорит: “Благословенны плачущие, ибо найдут утешение”» [3, с. 37]. При этом он не отрицает иерархии в обществе и ссылается на слова апостола Павла: «Петр призывает подчиняться всем старшим. Чтобы рабы слушались своих хозяев, жены – своих мужей. Апостол повелевает мужьям ценить своих жен» [3, с. 74]. В предисловии к «Второзаконию» мыслитель рассуждал об идеальном государстве, в котором бы была «равная свобода всем, общее имущество всех» [3, с. 59].

Франциск Скорина рассматривал категорию общественного «согласия» как важнейшее условие общественного и социального взаимопонимания. Он писал, что согласие приносит добро и порядок, а противоречия являются основной причиной разрушений и анархии. «С согласия же всякое доброе объе-

динение наступает, противостояние же и самые великие царства разрушает» [3, с. 24]. По его мнению, каждый человек должен использовать свои таланты для увеличения общественного согласия и взаимной любви: «Каждый христианин, имея свои способности, к умножению общего благу пусть творит дела, но более всего, любовь ко всем пусть соблюдает» [3, с. 21].

Осуждая неравенство, тиранию и жестокое обращение между подданными и властителями, Скорина допускал возможность неповиновения властителям, которые несправедливы: «Наша обязанность, если издевательства происходят на наших глазах, – не молчать, а призвать прекратить тиранию. А где она все равно будет продолжаться, то, напомнив тирану один раз, второй, третий, – оставить его и не есть его хлеба. Ибо того, кто будет молчать тирану или содействовать ему, несомненно, накажет Господь Бог» [цит. по 1, с. 156].

Сымон Будный считал, что в моральном плане все люди равны. Он осуждал магнатов, которые унижали тех, кто был ниже по статусу. Будный говорил, что чиновники и знать обязаны помнить: «они такие же, как и все люди» [цит. по 4, с. 142]. Строгое выполнение простыми гражданами своих обязанностей и моральная ответственность чиновников, по его мнению, способны дать гарантию спокойствия в государстве, благоприятно влияя на развитие в обществе свободы, морального равенства и справедливости.

В «Песне про зубра» Николай Гусовский выступил против феодальных порядков, сложившихся в стране. Он оправдывает право людей на сопротивление: «Мысль не придет, что нужно за ум взяться. / Где им увидеть из чертогов, как с домиков деревенских / Гонят бичами гольтьбу в плен на страданья!» [5, с. 366]. А вот Юзеф Доманевский считал иначе: равенство возможно только в пределах состояния, сословия. «Равный равного ценит», – писал он в поэме «Жизнь сельская и городская» [цит. по 6, с. 163]. В повести «Посвящение Криштофу Радивилу» Андрей Римша утверждал: «Никогда не знал рабства народ литовский. / Святость свободы нашей – ... наша величайшая забота, / Рабство мы осуждаем» [7, с. 510].

Интересна аргументация принципа равенства и справедливости у Михалона Литвина. Он считал, что государство должно способствовать утверждению в обществе справедливых отношений, защищать интересы каждого человека; рассматривал социальную несправедливость как результат «порчи нравов». В трактате «Разговор поляка с литвином» Михалон Литвин утверждал, что «люди между собой от рождения одинаковы. А если человек человека без вины обижает, бьет, убивает, так как это против естественного права, потому что это равно, как сам себе вредил, зло творил, сам себя убил, отравил, сжег» [цит. по 8, с. 108].

В качестве справедливого общественного устройства, имущественного равенства людей, Литвин приводит пример татар: «У них нет ни дворов, ни домов, кроме подвижных палаток из прутьев и тростника, ... недвижимого частного имущества у них нет ... не заботятся они и о приобретении движимого имущества, кроме необходимой и то небогатой утвари домашней и простых вещей ... и все живут вне изобилия и крайнего недостатка» [цит. по 8, с. 45–46]. Он идеализирует уклад жизни татар, потому что «они не владеют никаким недвижимым имуществом, кроме колодцев» [цит. по 9, с. 85]. Такое возможно и в других государствах, по его мнению. В трактате «Про нравы татар, литвинов и москвитов» Михалон Литвин критикует узурпацию власти магнатами в ВКЛ и называет абсурдным то, что «один чиновник занимает 10 должностей, а другие отдалены от государственных дел» [цит. по 10, с. 205]. Идеализируя свободный политический уклад, он пишет: «...у варваров этих никто, живущий в довольстве, не задыхается от обжорства, ни один бедный не умирает с голода или холода; никто у них не нищенствует при такой их бедности и недостатке. ... Редко найдешь умирающего с голода, нищенствующего, обманщика, сутягу, стяжателя чужого, несправедливого судью, лживого свидетеля, клятвопреступника, вора, разбойника. Поэтому нет никакой надобности у них мучиться беспокойством о сохранении своего имущества» [цит. по 8, с. 46].

Литвин обосновал принцип любви к ближнему, реализацию которого видел на примере Иудеи, где «не допускают никого из своего народа умереть от бедности: так сильна в них любовь к ближнему. Ни один сарацин не смеет съесть ни одного куса, не разделив его на равные части между всеми присутствующими» [цит. по 8, с. 49]. Еще одним важным аспектом справедливости считал справедливый суд, положительный пример которого нашел у татар в суде Кадия, ему «повинуются наравне с простыми людьми вельможи и вожди» [цит. по 8, с. 52].

Крепостничество, по мнению Михалона Литвина, нарушает естественное право каждого человека на свободу. «А мы держим в непрерывном рабстве людей своих, добытых не на войне и не купленных, которые принадлежат не к другому народу, а к нашему и к нашей вере, сирот, неимущих, попавших в сети через брак с рабами; мы злоупотребляем нашей властью над ними, издеваемся над ними, наказываем, убиваем без суда, ради мелких подозрений» [цит. по 10, с. 213].

Наиболее полно и подробно концепция социальной справедливости представлена в трактатах Андрея Волана («О политической или гражданской свободе», «Про счастливую жизнь или наивысшие человеческие достоинства», «Про государственного мужа и его добродетели»). Волан писал, что «люди, которые хвастаются своей чрезмерной свободой, хвастаются не благородным пониманием свободы, а понятием, наименование которому “развращенное своеволие”. Свобода никому не делать зла, тогда как разное противостояние и хаос нарушает покой человека. Только деспот считает приличным делать людям зло по своей прихоти. Свобода отрицает рабство и поддерживает господство справедливых законов.

Деспот же разрушает любое верховенства закона и в своих действиях руководствуется не разумом, а страстью порочных чувств» [11, с. 17]. Рассматривая проблемы государства, общества и личности, мыслитель задает вопрос: все ли сословия пользуются в Речи Посполитой равной свободой или только «некоторой части та хваленая свобода служит?» [цит. по 8, с. 82]. И после анализа правового положения разных сословий отвечает: «А что касается прав, то они обычно разные для одних и тех же случаев, одним шляхтичам, другим мещанам, третьи пахарям установлены, что уже само показывает, что не одинаковый взгляд на свободу всех» [цит. по 8, с. 82–83].

Андрей Волян так определяет справедливого человека: «Спутниками справедливости является вера и правда. У справедливого человека никогда не расходятся слово и дело» [11, с. 128]. Соединение требования свободы с требованием равенства как одинаковой защиты интересов одного индивида против другого выражало прогрессивную тенденцию того времени. В соответствии с ней Андрей Волян сделал вывод, что в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой закон не в одинаковой степени охраняет интересы всех сословий. Шляхта, причиняющая множество обид «простому человеку, более легкое наказание несет, а простой же человек – более тяжкое и строгое, если бы обидел или оскорбил шляхтича. Из этого ясно, что только самому шляхетству свобода обеспечена, а другие сословия несомненную неволю на себе несут. ... А если иные имеют над другими некоторое первенство, что, не боясь никакой угрозы, ни права, низших обидеть и обременить могут, они действительно пань, а те невольниками могут быть названы» [цит. по 8, с. 83].

Как видно из вышеизложенного, Андрей Волян полагал, что именно неравенство людей перед законом приводит к господству одного человека над другим. Он доказывал, что такое положение неразумно и несправедливо: «лишенные способности ко всяким благодеяниям, они (знать) только прославляют предков. Вспоминая подвиги прошлого, они и себя считают знаменитыми и достойными разнообразных похвал. В действительности же, чем более славной была жизнь предков, тем более гнусной оказывается жизнь потомков [...] Подобное наблюдается и у других народов. И там очень нелегко достаются титулы и звания выходцам из темного простонародья, если последние в своей благотворительности стремятся достичь далекой вершины фортуны. Аристократам же везде честь и похвала. Никто не возражает, как потомки живут себе в лучах той славы и почета, которую имели их предки. Такому потомству доверяют вести государственные дела, управлять самим государством. Так что, и отойдя, остаются» [5, с. 518]. Андрей Волян указывает на прямую зависимость добра и счастья человека от политической свободы. В представлении философа свобода – это гарантированная законом и властью личная безопасность человека, неприкосновенность его собственности, общественное согласие: «В рабской жизни почти нет места для благодетельности, отсутствуют условия для сохранения доброго здоровья, необходимого для полезных дел» [цит. по 6, с. 150].

С одной стороны, Волян говорил о справедливости в ее всеобщем понимании: «Справедливость, которую философы называют арифметической, не признает различия между человеком знатым и простым, богатым и бедным, она всех наделяет поровну. Она не видит никакой разницы между личностями и всякий причиненный ущерб, а также убийство наказывает одинаковым соответствующим наказанием» [11, с. 32]. С другой стороны, он не был абсолютно против социального расслоения в обществе, имущественного неравенства, но требовал при этом равенства всех сословий перед законом, судом: «Пусть за шляхтой остаются целыми ее привилегии, в соответствии с которыми она по милости своих королей и магнатов освобождается от всех невольничьих повинностей, а также от налогов. Но чтобы власть и права шляхты на чужую свободу были больше, чем власть и права других на ее свободу – этого не должны позволять никакой закон и никакое справедливое право. Принцип равенства всех перед законом отрицает такое неравенство как нечто уродливое и преступное» [11, с. 30–31].

Имущественное неравенство, по мнению Андрея Волана, превращает человека в раба: «там, где за одинаковую работу люди получают разную награду, где за равное дается неравное и тем самым нарушается закон справедливости, – там сеется семя раздора» [11, с. 45]. Одним из страшнейших видов несправедливости признавал несправедливую систему наказаний за преступления, согласно которой за умышленное убийство человека преступник мог откупиться определенным денежным штрафом. «Если больше будет наказание, чем вина, то это можно назвать зверством, а если меньше, чем вина, – произволом, а ни одно из этих названий не может быть справедливостью» [цит. по 10, с. 90]. В особенно тяжелом положении, по его замечанию, находятся простые и бедные люди, «которых убийство, не иначе как скота, очень малой суммой денег оплачивается, а, следовательно, они несут на себе гнуснейшую тяжесть неволи» [цит. по 8, с. 91].

Андрей Волян указывал, что в сохранении принципа равенства важную роль играют судьи, как поставленные «свыше» защитники свободы. Он акцентировал внимание на том, что судебная система должна в первую очередь служить целям сохранения гражданских свобод: «Первым условием свободы является наша безопасность. Человеку не должны угрожать произвол, насилие или убийство, а его имуществу – грабеж и разорение. Ведь и владение самыми большими богатствами больше не радует, когда жизнь владельца в опасности. Наш народ всегда стремился, чтобы законы как можно надежнее защища-

ли его достояние. И когда он казнит грабителей и злодеев, то смертный приговор убийцам был бы тем более справедлив. Жизнь человека – ценность намного дороже всего остального» [11, с. 57].

Заключение. На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что белорусские мыслители периода XVI–XVII вв. создали в своих трудах богатые и прогрессивные для своего времени социально-политические концепции. В рамках христианской гуманистической интерпретации сущности власти и государства, теологических и философских дискуссий они искали идеальный тип государственного и общественного устройства, при котором были бы возможны наилучшие гражданские свободы. В ходе исследования выявлено, что белорусские гуманисты и просветители эпохи Возрождения осуждали рабство, имущественное и юридическое неравенство, коррупцию, несправедливую социальную дифференциацию. Социальную справедливость мыслители ВКЛ видели в равенстве всех людей перед единым законом, в общественном согласии, а условиями построения справедливого общества считали направленность каждого человека на достижение общего блага, просвещение и образованность, плюрализм мнений, патриотизм, расширение личных свобод, ограниченных только нормами права. Эти идеи были прогрессивными в рамках общеевропейской гуманистической мысли и способствовали созданию Статута Великого Княжества Литовского, Судебника Казимира и других знаменитых законодательных актов, которые оказали значительное влияние на развитие белорусской культуры и общеевропейской политико-правовой мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саверченко, И.В. Памятники литературы Беларуси X–XVIII веков / И.В. Саверченко. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2013. – 462 с.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Даведнік. Каментары / Беларус. сав. энцыкл. ; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1989. – 570 с.
3. Скарына, Ф. Выбраныя творы / Ф. Скарына ; уклад., прадм., пер. на беларус. мову І.В. Саверчанкі. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 110 с.
4. Падокшын, С.А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага / С.А. Падокшын ; Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т філасофіі і права. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 285 с.
5. Анталогія даўняй беларускай літаратуры, XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. ; падрыхт.: А.І. Богдан [і інш.] ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд., выпр. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 1015 с.
6. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. / НАН Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. навука, 2008–2013. – Т. 3 : Рэфармацыя. Контррэфармацыя. Барока / В. Б. Евароўскі [і інш.] ; рэдкал. тома: В. Б. Евароўскі [і інш.]. – 2013. – 614 с.
7. Літаратура XI–XVI стагоддзяў / уклад. і камент. А.У. Бразгунова, І.У. Будзько, Л.В. Ляўшун ; навук. рэд. В.А. Чамярыцкі ; прадм. У.В. Гніламёдава. – Мінск : Маст. літ., 2011. – 765 с. – (Залатая калекцыя беларускай літаратуры : у 50 т. / Ін-т мовы і літ. НАН Беларусі ; рэдкал.: У. В. Гніламёдаў [і інш.] ; т. 1).
8. Сокол, С.Ф. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во II половине XVI века / С.Ф.Сокол. – Минск : Наука и техника, 1974. – 142 с.
9. Козел, А.А. Философская мысль Беларуси : учеб. пособие / А.А. Козел. – Минск : Амалфея, 2004. – 350 с.
10. Саверчанка, І.В. Паэтыка і семіётыка публіцыстычнай літаратуры Беларусі XVI–XVII стст. / І.В. Саверчанка. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 463 с.
11. Волян, А. Аб грамадзянскай, або палітычнай свабодзе / А. Волян ; пер. з лац. У. Шатона. – Мінск : Выд. Зміцер Колас, 2009. – 142 с.

Поступила 03.05.2016

THE CONCEPT OF SOCIAL JUSTICE IN THE INTERPRETATION BELARUSIAN THINKERS OF THE XVI–XVII CENTURIES.

V. MIKHAILAU

The article is devoted to the analysis of the ideas of social justice in the interpretation of the Belarusian thinkers, humanists and enlighteners of the Renaissance (XVI–XVII centuries-). The empirical basis of the study has been made by the original texts of Symon Budny, Francysk Skaryna, Andrew Volan, Mikolaj Hussowczyk, Michalon Lytvyn, Lew Sapieha, Josef Domaniewski, Andrew Rymysz and other Belarusian thinkers. Such aspects of social justice as freedom and will, equality of all citizens before the law, the public consent, natural law and the law abidance, fair court, morality and ethics are explored in this article. The article also reflects the main socio-cultural trends in the evolution of Renaissance social thought in Grand Duchy of Lithuania, which were expressed in synthesis of the traditional Christian interpretation of the considered aspects social justice with the Western rational thinking of the Renaissance and the Enlightenment.

Key words: the Lithuanian Great Principality, law, right, liberty, justice, common cjncent.